

МАМАЙ.

Изображенія запорожца.

(Къ рисункамъ).

Запорожскій козакъ былъ долгое время олицетвореніемъ малорусскаго народнаго идеала. Его воспѣвала народная поэзія, его-же стремилась выразить въ краскахъ народная живопись. Въ старое время по всей Малороссіи очень распространена была картина, обыкновенно написанная какимъ нибудь наивнымъ и неискуснымъ сельскимъ художникомъ, на которой изображался козакъ съ обычными атрибутами своего быта, каковы: осѣдланый конь, списъ, лукъ, мушкетъ, сабля, люлька и бандура. Для поясненія мысли художника на картинѣ помѣщались обыкновенно стихи, представляющіе болѣе или менѣе краткую, но мѣткую и проникнутую юморомъ характеристику изображаемаго молодца. Иногда портретъ запорожца дополнялся изображеніемъ повѣшеннаго имъ на деревѣ за ноги жида; иногда художникъ давалъ просторъ своей фантазіи и портретъ разрастался въ цѣлую жанровую картину, на которой появлялись другіе козаки, истребляющіе надъ котелкомъ въ стени горячія галушки съ правой горилки и жартовъ; появлялся жидъ, умоляющій о пощадѣ; другого жида козакъ вздергиваетъ въ это время на дубъ внизъ головою. Разговоры дѣйствующихъ лицъ изображены въ видѣ надписей, вытягивающихся изъ ихъ усть. Иногда по-

вѣшенный на дубѣ жидъ замѣнялся козакомъ, который съ обрубленными руками болтается на деревѣ также внизъ головою. Такія картины, по объясненію А. А. Скальковскаго, дѣлали Поляки въ 1760 годахъ на страхъ гайдакакамъ и выставляли ихъ по корчмамъ и на ярмаркахъ ¹⁾.

Двѣ картины, перваго и втораго типа, сохранились въ музеѣ В. В. Тарновскаго, откуда мы и воспроизводимъ ихъ на прилагаемыхъ рисункахъ. На первой картинѣ, ограничивающей портретомъ Запорожца, помѣщена надпись:

„Гай, гай! Якъ я молодъ бувавъ, що то во мнѣ була за сила, ляхѣвъ, жидѣвъ, туркѣвъ, татаръ воюючи, и рука немлѣла. А теперъ и вошь слынѣща здаеця; плечи и ногтѣ болять, якъ день и нѣчь попобиеця. Отъ така то буча недовга нашихъ лѣтъ година; скоро цвѣте и вяне, якъ у полѣ билина.

Хоть на мене и дивись, да ба не вгадаешъ, вѣтки родомъ и якъ зовуть, нѣвичіркъ не знаешъ. Коли трапилось кому въ степахъ бувати, то той можетъ мое имя и призвѣще оугадати. Бо въ мене имя не одно, а есть ихъ до ката, такъ назовуть якъ натрапишь на якого свата; жидъ зъ бѣди азъ бѣди за рѣдного батька почитае, а ляхъ милостивимъ добродзеемъ називае, а ти якъ хочъ назови, на все позволяю, абы не крамаремъ, бо зате и пополаю; отъ лахи трохи оугадали що лошака подаровали, посмотри на гербъ знаменитый, что сверху онъ прибитый.

Гей нуте стени горѣтъ пужарами, пора мѣнять кожухъ на жупани, та якъ добрый ярмарокъ и оудача покаже, то ще не одинъ ляхъ изъ жидомъ въ барѣши, цекъ имъ якъ намогутся, поляже; то мушу оуступити за шватулу червонихъ и за рѣгъ золотомъ литий. Ксжухъ шкоруцѣлій скинувъ имъ до ката, аби якъ сцуратся оу прямого свата, та вже бѣжишь на сѣчь могоричу пити, цуръ имъ бѣгдай. Якъ извикли насъ ляхи дурити а надѣя певна мушкетъ сѣромаха, та еще не заржавѣла и сабля моя сваха, хоть уже и неразъ пасокою вѣмилась да и теперъ якъ бы разовлилась.

¹⁾ Порубежники. Соч. А. Скальковскаго. Вып. IV, 1850, стр. 204.

Случилось минѣ и не разъ въ степу варити пиво: пиво турчинъ, пиво татаринъ, пиво и ляхъ на диво, то и теперъ до вражого батка валяеца въ степу спохмѣля головъ, костокъ мертвѣхъ, отого весѣля.

Да и справдѣ пристарѣвшись на Русь пѣти мушу, ачей тамъ отпоминають попи мою душу, тѣлкожь минѣ негля на лавѣ оумѣрати и съ французами бере охота ище погуляти.

То не одинъ кателикъ либо и два не стане, якъ случитця.... на спису застряне; да якъ натягну и лукъ та бразну тетиву, мусить ханъ Крымскій за Дунай оутѣкати зъ ордою.

Хотя и минѣ нестрашно на степену оумѣрати, тѣлко жалко що нѣкому буде поховати: татаринъ цураетця, а жидъ зъ ляхомъ не приступитъ, хиба якій звѣроха въ байраки ноцупить.

Ачей минѣ в степахъ що небудь прикинуть для смерти, однакъ ще не одному ляху зъ жидомъ мушу носа втерти.

О уже хотъ трохи зъледачѣвъ, однакъ чуютця плечи, щибъ прогнавъ хоренгву за Віслу и розлетѣлася бѣ съ французами ляхва, якъ одъ жару блохва. Вѣдкѣль родомъ Я на свѣтѣ, всякъ з вась хоче знати, ясенъ на сѣчѣ и всякій назови братомъ.

А имя минѣ Хома, що на головѣ волося нема, бувъ космокъ, да и той оу Дунаи за три днѣ одмокъ».

На второй картинѣ надъ главной фигурой надписано: „Козакъ Мамай“. Онъ играетъ на бандурѣ и говоритъ, обращаясь къ товарищамъ: „по трудахъ, хлопци, гуляйте, лишъ дило свое сполняйте“. Одинъ изъ вечеряющихъ козаковъ, подавая чарку другому, говоритъ: „пый, брате, за Йося, та тягни за лобъ и Мося“. Третій, держа галушку на спичкѣ, обращается къ жиду: „намъ грошей твоихъ не треба, за такихъ платятъ спасеннемъ зъ неба.“ Жидъ говоритъ: „ой вей, пане Мамаю, помилуй мене, я ни копѣйки грошей не маю.“ Козакъ, вздергиваюшій жиду за ноги на дерево, приговариваетъ: „годи, тоби, вражій сыну, четвертки пысаты, ось будешъ на дубови маюхвесь ¹⁾ спиваты“. Подѣ повѣшеннымъ жидомъ подписано: Йось.

¹⁾ Маюхвесь—Maifest, жалобная еврейская пѣснь.

На первой картинѣ имя козака—Хома безъ прозвища. На второй онъ названъ Мамаемъ. *Мамай*—не былъ вымысломъ народной фантазій, а, дѣйствительно, въ срединѣ прошлаго столѣтія существовало два лица, преемственно носившихъ это имя. А. А. Скальковскому удалось собрать о нихъ слѣдующія свѣдѣнія.— „Съ 1750 года, восемь лѣтъ сряду, границы Польскія были терзаемы гайдамаками. Страхъ народный увеличивалъ ихъ число до невѣроятности, такъ что теперь, когда намъ вполне извѣстно ничтожное число этихъ грабителей, не имѣвшихъ никогда и 300 человѣкъ въ одной шайкѣ, понять даже трудно, какъ ихъ въ одну экспедицію не истребляли ни польскіе, ни русскіе коменданты. Особенный ужасъ наводила въ Украинѣ шайка *Мамая*, козака Запорожскаго.... Оказывается, что подъ этимъ именемъ дѣйствовало два лица. Одинъ *Мамай* въ 1750 году пришелъ на байдакѣ въ Мошны и какъ это мѣстечко, такъ и всѣ имѣнія князя Любомірскаго разорилъ и людей изрубилъ. Генералъ Леонтъевъ сильно его преслѣдовалъ, а его команды за нимъ долго по степямъ гонялись, пока, наконецъ, не настигли его. Шайка его была совершенно истреблена, а самъ атаманъ былъ повѣшенъ и четвертованъ. Голову его съ шапкою и усами воткнули на *шпиль* и поставили на мосту въ Тарговицѣ. Нѣкій *Андрей Харченко* снялъ съ этой головы шапку, надѣлъ на себя и назвалъ себя Мамаемъ. Этотъ Мамай, по примѣру своего предшественника, ходилъ съ шайкой на *Лядчину*. Черкасскій губернаторъ Ростовскій писалъ о немъ русскимъ пограничнымъ властямъ слѣдующее: „Сего 1758 года мѣсяца апрѣля въ прошлыхъ числахъ козакъ куреня Щербиновскаго въ Сѣчи Запорожской, назвискомъ *Мамай*, напавши съ чатою своею гайдамацкимъ способомъ на маестности здѣшнія Украинскія, а особливо на мѣстечко *Мошны*, и староство Черкасское разбойнически разорилъ. Не только людей зруиновалъ, худобы оныхъ позабиралъ и нѣсколько надесять человѣкъ слупныхъ обывателей поубивалъ и осѣдлости понабилъ, да и церкви святыя пообдиралъ, что только знайдовалось въ оныхъ позабиралъ; все отъ мала до велика разгромилъ и внивецъ означенное мѣстечко обернулъ. Откуда возвра-

тившіесь байдакомъ, рѣкою Днѣпромъ плывучи внизъ съ чатою своею и здѣсь въ староствѣ Черкасскомъ, въ селѣ *Ломоватомъ*, людямъ худобы позабиралъ и нѣкоторыхъ мучивъ мало не до смерти, и оттуда отплывши, ѣхалъ тѣмъ же байдакомъ водою до староства Чигринскаго, въ которомъ приставши до берега и забравши добычъ оную на нѣсколько десять возовъ, посреди бѣла дня переѣхалъ въ томъ же староствѣ на *Калантаевскую греблю* въ слободы малороссійскія мимо караула, стоящаго тамъ при Русской границѣ“..... Второй Мамай впослѣдствіи, по распоряженію польскихъ властей, былъ сначала посаженъ на *палю*, а потомъ повѣшенъ“ 1).

Собиратели этнографическихъ матеріаловъ давно обратили вниманіе, какъ на народный портретъ Запорожца, такъ и на преданія о Мамаѣ, съ нимъ связанныя. Мы знаемъ слѣдующія литературныя извѣстія объ этомъ предметѣ.

1) 16-го іюля 1848 года П. А. Кулишъ, посылая О. М. Бодянскому изъ Тулы нѣкоторыя бумаги, писалъ ему:

„Першый шпаркгалыкъ. Може выдавъ,—де вже не выдаты? де-инде по Украини голеного запорозця намалѣваного, що сядя, пидобгавши ноги, грае на кобзи та ще й промовляе. А що промовляе, те внызу й пидпысано. Ляхы зовуть ёго въ своихъ книжкахъ *Козакомъ Мамаемъ*. Есть коло Субботова, чы що, и дубъ Мамаивъ, де винъ вишавъ ихъ браччыкывъ та жыдову. Було въ мене воно десь и запысано, та вже запамятавъ. Отъ же я колысь бувъ у Мопнахъ и знайшовъ тамъ сего козарлюгу изъ такою пидпысью, що краца й просторнища одъ усихъ иншихъ; та й саме малеванна вже старе дуже, що ажъ полуцалось, дакъ тымъ-то я й нерозибравъ одного слова на кинци—чы *головатый*, чы *бородатый*. Самъ уже домизкуеся,—мое дило тилькы зпысаты“ 2).

1) Порубежники. Соч. А. Скальковскаго. 1850. Вып. III, стр. 65, 66, 70, 71, 13, 185; вып. IV, стр. 53, 71. Подзаглавіе III и IV выпусковъ: „Мамай“. Повѣсть 7758—1760 годовъ. Въ 2-хъ частяхъ.

2) Кіевск. Стар. 1898, февраль, стр. 290.

2) Въ заключеніи къ упомянутой выше въ примѣчаніи повѣсти „*Мамай*“, занимающей III и IV вып. „*Норубежниковъ*“, А. А. Скальковскій въ 1850 г. писалъ: „О Мамаѣ сохранилось много преданій и памятниковъ; много крестовъ каменныхъ и бабъ обломанныхъ называются *Мамаями*; но самый обыкновенный изъ нихъ есть одна оригинальная картина, которой лучший экземпляръ можно видѣть въ домѣ князя Воронцова въ Мошнахъ (Кіев. губ.), но тысячи копій вы найдете по всей Украинѣ... Въ Кіевской губерніи Чигиринскаго уѣзда въ Бураковскомъ лѣсу по дорогѣ изъ казеннаго селенія Херсонки въ с. Нестеровку есть еще дерево, называемое *Мамаевымъ дубомъ*; стволъ его, необыкновенной толщины, весь избуравленъ отыскивателями кладовъ“¹⁾.

3) Извѣстный составитель *Этнографическаго альбома*²⁾, оставшагося ненапечатаннымъ, докторъ Де-ла-Флизъ, помѣстилъ въ своемъ альбомѣ снимокъ съ портрета Запорожца и снимокъ съ Мамаева дуба, раскрашенные акварелью. Въ объясненіяхъ къ снимкамъ Де-ла-Флизъ говоритъ: „Между поселянами есть преданіе о разбойникѣ Мамаѣ и во многихъ домахъ находится картина, изображающая сего разбойника, сидящаго подъ дубомъ съ бандуркою въ рукахъ; подъ этой картиной есть стихи... Въ Чигиринскомъ уѣздѣ около деревни Херсонки я видѣлъ огромнѣйшій дубъ, давно уже усохшій и безъ вѣтвей; его называютъ дубомъ *Мамая* и сказываютъ, что подъ этимъ дубомъ Мамай располагался своимъ таборомъ и вѣшалъ на вѣтвяхъ его поляковъ и жидовъ, попадавшихся въ его руки, и на немъ же послѣ самъ былъ повѣшенъ“.—„Мамаевъ дубъ, срисованный съ природы. Сей дубъ находится въ урочищѣ Васильковскомъ Мотренинской дачи возлѣ д. Херсонки Чигиринскаго уѣзда, у котораго разбойникъ Мамай весьма часто располагался таборомъ, какъ говоритъ мѣстное преданіе. Дубъ сей имѣетъ

1) Вып. IV, стр. 204—205.

2) Рукопись церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи № 206. Альбомъ составленъ въ 1854 г. См. Описаніе рукописей Н. И. Петрова. 1875, стр. 153—155.

толщины $3\frac{1}{2}$ аршина при раздѣленіи вѣтвей и старожилы говорятъ, что около ста лѣтъ, какъ дерево то безъ листья... Во время пребыванія у сего дерева пиры его (Мамаа) обозначались кровавою мезью на полякахъ и жидахъ, которыхъ, попадавшихся въ его руки, онъ вѣшалъ на вѣтвяхъ сего дуба, на которомъ и самъ, пойманный, по распоряженію польскаго правительства повѣшенъ“. Рисунокъ дуба представляетъ гигантское дерево, лишенное вѣтвей и листьевъ, съ ободранной корой внизу ствола и съ кочьями зеленаго мха во впадинахъ¹⁾.

4) Въ I томѣ Записокъ о Южной Руси (1856 г.) на стр. 316—319 П. А. Кулишъ напечаталъ одинъ изъ извѣстныхъ ему вариантовъ надписей на изображеніи Запорожца подъ заглавіемъ: „П. Стихи на картинѣ, представляющей Запорожца-Кобзаря“. Никакого примѣчанія, поясняющаго, гдѣ хранится картина, съ которой списаны надписи, нѣтъ.

5) Въ 1888 году Д. И. Эварницкій описалъ портретъ Запорожца, видѣнный имъ въ г. Новомосковскѣ у крестьянина Ивана Чуприны, который унаслѣдовалъ его отъ предковъ, и напечаталъ помѣщенные подъ нимъ стихи. „Этотъ портретъ“, говорить г. Эварницкій, „одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, которые ходятъ съ разными варіаціями по Старой и Новой Малороссіи, съ подписанными подъ ними стихами, иногда короткими, иногда очень длинными“²⁾.

Насколько намъ извѣстно, снимки съ народныхъ изображеній Запорожца вообще или Мамаа были до сихъ поръ напечатаны дважды:

1) Въ приложеніи въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ князя Мышецкаго, изданной въ Одессѣ въ 1852 г. (съ экземпляра Одесскаго музея Общества исторіи и древностей).

2) Въ книгѣ Д. И. Эварницкаго „Запорожье“ и пр., 1888, т. I, стр. 72, рис. 5 (съ экземпляра собранія Я. П. Новицкаго).

А. С.

¹⁾ Рукопись стр. 80—85.

²⁾ См. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Слб. 1888 г., т. I стр. 73—75.